

**Пресс-конференция на тему
«Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике»
13 мая 2015 года**

ВЕДУЩИЙ: Здравствуйте, коллеги! Рады снова видеть вас спустя год. Вы знаете, что каждый раз перед собранием акционеров мы проводим встречи с журналистами и инвесторами. Сегодня наша первая пресс-конференция, она посвящена электроэнергетике. Это тема, которая каждый раз пользуется огромным успехом. Спикера вы все прекрасно знаете — начальник Управления «Газпрома», которое занимается курированием этого направления деятельности, генеральный директор ООО «Газпром энергохолдинг» Денис Владимирович Федоров. Я ему передаю слово, после этого вы сможете задать свои вопросы.

Д.В. ФЕДОРОВ: Спасибо. Добрый день, уважаемые коллеги! Постараюсь быть максимально кратким в своем докладе и постараюсь ответить на вопросы, которые у вас возникнут.

(слайд 2) На слайде представлены основные показатели работы «Газпром энергохолдинг» и компаний Группы. Мы завершаем реализацию нашей инвестиционной программы. В прошлом году были введены новые энергоблоки мощностью по 420 МВт на Череповецкой ГРЭС и на ТЭЦ-16 «Мосэнерго» и газотурбинная установка 65 МВт на ТЭЦ-9 «Мосэнерго». В этом году мы тоже планируем осуществить ряд новых вводов, ну а следующий год у нас станет завершающим, останутся только небольшие проекты и новый проект, который мы начинаем — Грозненская ТЭС. Можем сказать, что инвестиционная программа у нас практически будет завершена.

(слайд 3) По объективным причинам сократилась выработка электроэнергии и производство тепла — была теплая зима. Снижение по электроэнергии связано как с общим сокращением спроса, так и с оптимизацией работы наших электростанций. Мы не ставим перед менеджментом задачу увеличивать выработку электроэнергии любой ценой. Задача — вырабатывать электроэнергию только в те моменты, когда нам это выгодно. Если нам это не выгодно, то мы стремимся электроэнергию не вырабатывать.

По российским стандартам бухгалтерской отчетности у нас увеличилась выручка, снизился показатель EBITDA, почему — скажу далее.

Из крупных проектов, о которых я также потом буду говорить, мы за год создали и консолидировали ремонтный холдинг. Это задача, над которой мы долго думали, анализировали, нужна она, не нужна. Этот вопрос стоял, наверное, с момента покупки нами энергоактивов. На тот момент менеджментом РАО «ЕЭС России» было принято решение о том, что этот ремонтный вид бизнеса не является профильным для компаний энергетики и может выполняться на конкурентной основе различными компаниями. Но как показала практика, — особенно это касается ГРЭС, стало заметно на ОГК-2 — конкуренцию в этом сегменте создать сложно. Если в Москве и Питере конкуренция какая-то возможна, то, к примеру, на Красноярской ГРЭС, которая расположена в 300 км от города Красноярска, создание нескольких ремонтных компаний, которые будут между собой конкурировать, бессмысленно. Люди просто переходили из одной компании в другую, ту, которая выигрывала конкурс. Поэтому мы приняли решение о создании собственного ремонтного холдинга, включающего, в том числе, компанию, занимающуюся сервисом всего газотурбинного оборудования, которое мы используем на

наших стройках в последние годы. В рамках реализации инвестиционной программы мы считаем это направление верным, принимали решение еще до введения каких-либо санкций. Текущая ситуация, с моей точки зрения, показала правильность выбранного нами пути.

Мы ведем активную работу по импортозамещению и вели ее всегда, просто она так громко не называлась — импортозамещение. В интервью в сегодняшнем номере газеты «Коммерсант» я достаточно подробно останавливаюсь на системах автоматики, которую мы сделали, которая соответствует самым передовым мировым аналогам. Не буду называть холдинг, но у нас уже были предложения от крупнейших европейских компаний по вхождению в уставный капитал этой компании. Мы не договорились, сегодня используем автоматику собственного производства, собираемся поставлять ее, в том числе, в Европу.

Мы строим завод по производству теплоизоляционных материалов в Ступино. Высокотемпературные теплоизолирующие материалы в России практически не производятся, а то, что производится, не совсем соответствует необходимым качественным характеристикам. Поэтому мы вместе с МГУ им. М.В. Ломоносова создали совместное предприятие, разработали новые образцы подобных материалов и приступили к строительству завода. Я надеюсь, что до конца года мы пустим его в эксплуатацию. Ну и, соответственно, в рамках этого мы создали сертификационно-исследовательский центр, где сертифицируем все теплоизоляционные материалы, которые поставляются на наши объекты.

У нас имеется еще несколько проектов по импортозамещению, но я не буду на них останавливаться.

(слайд 4) Финансовые показатели по российским стандартам бухгалтерской отчетности. Выручка по итогам 2014 года у нас примерно на уровне 2013 года. EBITDA снизилась, что, в первую очередь, связано с общими проблемами в отрасли, со снижением рентабельности продаж электроэнергии и тепла. Ничего нового, плюс не все мощности проходят у нас конкурентный отбор (КОМ). Чистая прибыль снизилась, но если вы посмотрите на показатели «Мосэнерго», то это связано с тем, что у компании большие валютные займы, из-за них мы сделали переоценку. С точки зрения операционного потока — он у нас сильно не упал и сохранился практически на уровне прошлого года. То есть это чисто бумажное отклонение.

(слайд 5) Про проекты в рамках договоров о предоставлении мощности (ДПМ) я уже сказал — 87% инвестиционной программы у нас профинансировано. Возможны корректировки параметров, которые уже начались. Связаны они с изменением курса национальной валюты, эскалация цены будет происходить, где-то больше, где-то меньше. Практически во всех контрактах у нас присутствует валютная оговорка, потому что доля иностранного оборудования значительна. Возможно некоторое увеличение стоимости наших проектов. Частично оно уже произошло, частично оно у нас впереди.

Остановлюсь на Грозненской ТЭС. Мы получили ДПМ, будем строить два энергоблока. Конкурс уже провели, результаты подведены — это будет оборудование «Сименс», без всяких «плохих историй» в контрактах, которые изначально нам предлагали иностранные компании в момент введения санкций. Все абсолютно на рыночной основе.

В конкурсе участвовали российские компании — производители паровых турбин. Мы и прежде использовали российские разработки — на Адлерской ТЭС, и на Первомайской ТЭС, а также на ТЭЦ-12 в Москве. К сожалению, российские турбины по каким-то причинам стоят дороже западных, даже с учетом тех изменений курсовых разниц, которые произошли в последнее время. Для нас это очень странно, грустно и печально. Причем отличия достаточно приличные — не на 2%, 5% или 7%. Поэтому мы выбрали именно оборудование «Сименс», в том числе и по паровым турбинам. У нас были разговоры с «Сименсом» о том, что они перенесут производство этого оборудования на завод в Санкт-Петербурге, и будут, в том числе, и паровые турбины производить на питерском заводе.

Очень обидно, что Калужский турбинный завод, из моей родной Калуги, дает цены выше «Сименса». Очень странно! У нас есть Уральский турбинный завод, с которым мы много сотрудничаем, — тоже заявил цену выше «Сименса». Для меня это непонятно.

(слайд 6) Долговая нагрузка у нас увеличилась, но, тем не менее, даже при увеличении нагрузки по холдингу по соотношению «долг к EBITDA» остаемся на уровне 2,8, что считаем абсолютно комфортной цифрой, поэтому не видим больших проблем.

(слайд 7) Что касается дивидендов на следующий год: советы директоров уже приняли решения, которое выносят на годовые общие собрания акционеров. По дивидендам данные следующие: ТГК-1 будем рекомендовать собранию акционеров утвердить 25% от чистой прибыли, по «Мосэнерго» — 25% и по ОГК-2 — 15%. По ОГК-2 мы впервые будем платить дивиденды, поэтому пока 15%. В последующие годы будем также наращивать объемы выплат и приходиться к тем цифрам, которые мы изначально обещали — будем стремиться к 25%.

По «Мосэнерго» я понимаю, что в денежном эквиваленте сумма снизится ввиду того, что по российским стандартам бухгалтерской отчетности у нас достаточно низкие показатели по чистой прибыли. Распределять 100% чистой прибыли нам как-то не очень комфортно.

(слайд 8) Мы ведем большую программу по оптимизации затрат в «Мосэнерго», ТГК-1, разрабатываем программу для ОГК-2. Ежегодно мы рассказываем об этих программах на встречах с журналистами и на встречах с акционерами и инвесторами.

(слайд 9) Наверное, больше всего будет волновать ситуация с МОЭК. Мы всю генерацию в Москве отдаем в «Мосэнерго», все сети передаем в МОЭК. До майских праздников прошла третья волна по передаче котельных «Мосэнерго», которое уже будет их готовить к зиме. Мы планомерно движемся к выведению из состава МОЭК всех генерирующих мощностей и превращению его в нормальную теплосетевую компанию.

Конечно, осуществляем переключение нагрузок, экономим газ, вырабатываем более эффективно электроэнергию и тепло, продаем районные тепловые станции или котельные, которые выводим из эксплуатации, или площадки.

(слайд 10) Про консолидацию ремонтного холдинга я тоже сказал. Сейчас мы работаем над более оптимальной структурой этого холдинга, он будет покрывать все наши потребности в ремонте. Мы рассчитываем, что от 60% до 70% ремонтной программы и программы технологических ремонтов будем закрывать собственными силами, остальное будем продавать на рынке. Хорошо, что это решение мы приняли до всех проблемных историй, которые возникли. Я могу сказать, что большинство подрядчиков, особенно имеющих переходящие объемы, условно говоря, с 2014 года на

2015 год, отказываются выполнять работы по тем же ценам и расценкам, которые были в прошлом году, поэтому наш холдинг подоспел как нельзя вовремя. Значительный объем работ он уже выполняет. Иначе бы мы столкнулись с проблемой значительного невыполнения ремонтной программы.

(слайд 11) Совершенствование корпоративного управления. Вы знаете, что мы планомерно, шаг за шагом, движемся к IPO. Оно несколько сдвигается в связи с рядом факторов, бóльшая часть которых от нас не зависит — это внешние факторы. На сегодняшний день в рамках выполнения нашей стратегии осуществлена передача функций единоличного исполнительного органа от «Мосэнерго» и МОЭК в адрес «Газпром энергохолдинга» — это будет утверждено на внеочередных собраниях акционеров 20 мая 2015 года. И с 20 мая «Газпром энергохолдинг» станет единоличным исполнительным органом и «Мосэнерго», и МОЭК. После того как мы реализуем этот первый этап консолидации, под него попадут ТГК-1 и ОГК-2. В 2015 году, я надеюсь, мы разберемся с интеграцией «Мосэнерго» и МОЭК, и на 2016 год у нас будут в планах ТГК-1 и ОГК-2.

(слайд 12) Ключевые приоритеты нашего развития — это выстраивание оптимальной структуры производственных мощностей, реализация программ по оптимизации затрат наших компаний. Хотя в последнее время оптимизировать уже особо нечего: с 2008 года нам говорят, что пора «затянуть пояса», вот мы с 2008 года «сверлим новые дырочки в ремне», скоро будет непонятно, куда еще «сверлить». В принципе, та практика и те показатели по надежности в стране, которые мы видим и которые докладываются в Минэнерго, показывают, что, хотим мы этого или нет, происходит снижение надежности работы энергоблоков, при этом одновременно у нас снижается количество инцидентов, связанных с виной персонала. Это означает только одно — оборудование стареет, его нужно менять. Устал об этом говорить на каждой конференции, на каждом совещании, на каждой встрече с акционерами и инвесторами: если ситуацию не изменять, не преломлять в корне, мы столкнемся с очень большими проблемами уже в среднесрочной перспективе. Оборудование не молодеет. То оборудование, которое мы строим в рамках инвестиционных программ, не позволит полностью закрыть все проблемы, которые существуют со старой мощностью.

Проблема наличия якобы избытка мощностей — с моей точки зрения, это очень сложный вопрос. Это только сказать просто: «Давайте выведем завтра 20 ГВт мощностей, о которых мы все говорим». Ну, давайте, пусть кто-то на себя ответственность возьмет вывести 20 ГВт мощностей. Но это только разговоры и даже механизма выведения мощностей нет. С моей точки зрения, вывод мощностей — это взять, повесить замок на дверь станции, обеспечить необходимую надежность и безопасность и уйти. А с точки зрения нашего государства и федеральных органов власти, выведение из эксплуатации — это мне просто перестают платить деньги, а я обязан все равно поддерживать эту станцию, запускать ее в работу в необходимых режимах в необходимое время. Я считаю это неправильным, некорректным.

Готов ответить на ваши вопросы.

ВОПРОС: Светлана Турьялай, журнал «Энергия Юга». Денис Владимирович, как сегодня работает Адлерская ТЭС? Во время Олимпиады она приняла на себя самую главную нагрузку, хотелось бы узнать, как сегодня обстоят дела. И, если позволите, еще два

вопроса. В прошлом году Вы на такой же пресс-конференции рассказывали о планах по приобретению энергоактивов в Астрахани. Свершилось ли это или от этих планов пришлось отказаться? И планирует ли ОГК-2 принять участие в конкурсе на строительство Новороссийской ТЭС?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Адлерской станции: все нормально, станция работает в нормальном режиме, с нормальным коэффициентом использования установленной мощности. У нас есть проблемы на 60-мегаваттных паровых турбинах силовых машин с близкого завода, где у меня работал папа — Калужского турбинного завода. Проблемы там с опорным подшипником — эта проблема свойственна всем 60-мегаваттным машинам, выпущенным этим заводом. До сих пор мы эту проблему не решили, ждем решения от завода, продлили сейчас гарантию на это оборудование. Серьезные проблемы с этими машинами не только у нас, но и у коллег из других энергокомпаний. В целом мы Адлерской станцией довольны. И никакого там существенного падения нагрузки: говорили, что станция будет стоять с нулевой нагрузкой, что она находится в тупиковом узле, — у нас таких проблем нет. Ее коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) не выбивается из среднего КИУМ по стране.

Про Астрахань: я говорил про строительство электростанции для нужд Астраханского ГПЗ. Мы проектирование на 99% завершили, уже зашли в Главгосэкспертизу. У нас выделен земельный участок «Газпромом», но строительство станции сейчас под вопросом ввиду достаточно высокого изменения курсовых разниц плюс высокой стоимости вспомогательного оборудования. Если по основному энергетическому оборудованию — газовым турбинам, паровым турбинам, котельному оборудованию — сказывается снижение спроса, и все-таки компании, которые их производят, стараются двигаться по цене. Плюс иностранцы тоже не хотят терять российский рынок и предлагают достаточно хорошие скидки на оборудование, которое они поставляют. Но что касается оборудования, которое используется в обычной производственной практике, — оно сильно дорожает. Из-за этого есть проблемы с точки зрения увеличения CAPEX (капитальных расходов) строительства станций. Будем анализировать. Пока по этому проекту мы приостановили работу. Закончим процедуры с Главгосэкспертизой, все заново оценим — посмотрим, стоит или не стоит это делать.

Что касается проекта Новороссийской ТЭС, на Тамани мощностью 600 МВт. По этому объекту на сайте Минэнерго не так давно были размещены условия проведения конкурса. С моей точки зрения, эти условия отпугнут инвесторов. Они гораздо хуже по сравнению с проектами ДПМ, хотя мы сейчас уже понимаем, что условия ДПМ не соответствуют текущим реалиям. Поэтому пункт номер один — нужно точно менять условия, чтобы привлекать инвесторов под этот проект — это моя личная позиция. Второе — нужно ставить реальные сроки строительства этой станции. Конец 2017 года, с моей точки зрения, — это просто нереалистично. Третье — нужно понимать, кто будет заниматься инфраструктурой и каким образом. По тому же адлерскому проекту было достаточно серьезное отставание инфраструктуры от строительства нашей электростанции. Мы станцию построили раньше, чем подошла к нам инфраструктура. Были проблемы, мы их решали с «Олимпстроем» и с нашими контрагентами, в том числе с сетевыми организациями. По этим вопросам тоже должно быть все четко: должна быть экономика, должны быть комфортные понятные сроки и должно быть понимание по

внешней инфраструктуре. Тогда можно что-то анализировать. Пока мы для себя участие в этом проекте не рассматриваем.

ВОПРОС: Ольга Мягченко, газета «Деловой Петербург». У меня вопрос, касающийся долгов потребителей за коммунальные ресурсы. Вопрос один, но состоит из нескольких частей.

Прежде всего, меня, конечно, интересуют долги петербургских потребителей перед ТГК-1 — на сегодняшний день просроченная задолженность уже достигла 5 млрд руб. Как вы предполагаете бороться с ростом задолженности? Вы на пресс-конференции в 2014 году говорили, что рассматривается вопрос создания собственного биллинга в Петербурге — пока эта идея не реализована. Речь шла также о том, чтобы перейти на прямые платежи с потребителями коммунальных ресурсов — это тоже пока реализовать не удастся. Как можно, на Ваш взгляд, на сегодняшний день реально остановить рост задолженности? Это первая часть вопроса.

Вторая часть: если теоретически остановить рост задолженности можно, то возможно ли вернуть эту просрочку? Или ее никакими способами вернуть невозможно, потому что у управляющих компаний нет никаких активов, за счет которых они могут погасить эту задолженность? Как ее можно вернуть, или придется ее списать?

И предпринимает ли ваша компания какие-то инициативы по внесению изменений в законодательство для того, чтобы этот вопрос системно решить?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Питеру у нас достаточно сложная ситуация. Почему не реализовали биллинг, переход на прямые платежи? Были договоренности с предыдущим вице-губернатором города Владимиром Лавленцевым о реализации подобных проектов. К сожалению, вице-губернатор сменился, сейчас ведем переговоры с новым. Пока мы слышим: «Подождите, дайте разобраться, мы вам поможем».

Что касается возврата просроченной задолженности — нужно быть реалистами: некую часть долгов придется списывать. Это очевидная вещь. То, что отсужено, по чему есть исполнительные листы — мы предъявляем, арестовываем счета, заставляем платить управляющие компании. То, что не можем — будем списывать. Но я хотел бы обратить внимание, что не менее 30–35% просроченной задолженности — это долги бюджетных организаций. И мне кажется, что сам бюджет, сам город должен быть заинтересован в возврате этих денег. Мы неоднократно говорили городу: «Верните эти деньги, мы их направим не в прибыль нашей компании, а на необходимый ремонт тепловых сетей в городе». Сумма, которую Вы называете — 5–7 млрд руб. — это достаточно большие деньги, которые могут значительно — не скажу, что качественно, но значительно — поменять ситуацию с теплоснабжением потребителей в Санкт-Петербурге, если направлять их в течение 5–6 лет. Пока, к сожалению, мы никаких движений в наш адрес не видим и большой поддержки от Администрации Санкт-Петербурга не получаем.

Изменения в федеральное законодательство вносятся. Прошло второе чтение нового федерального закона, который предусматривает достаточно серьезные наказания для управляющих компаний и в целом для потребителей за неоплату коммунальных услуг. Я надеюсь, что в осеннюю сессию он будет принят. Буквально вчера собирались и обсуждали на рабочей группе новые изменения в этот федеральный закон. Очень надеюсь, что он будет принят и пусть не качественно изменит ситуацию, но повлияет на платежную

дисциплину. Это первое. Второе — конечно, нужно менять подход. Когда сейчас потребитель не платит, мы его отключаем от тепла, к нам приходит прокурор и нас административно наказывает за неподачу тепла потребителям. То есть виноват потребитель, а наказывают нас, добросовестная сторона получает наказание. Вот это, с моей точки зрения, абсолютно неправильный подход, и наказывать должны потребителя.

Мы пока не переходили к агрессивным методам борьбы с неплательщиками. Нам зачастую предлагают и в Москве, и в Санкт-Петербурге забрать долги потребителей. Что значит — забрать долги потребителей? Это мы их передаем коллектору с каким-то дисконтом, дальше коллектор закрывает должникам выезд за рубеж, забирает машины, какое-то имущество и т.д. Для социально ориентированной компании это задача неправильная, но если ситуация будет ухудшаться, возможно, мы попробуем забирать у управляющих компаний дебиторскую задолженность непосредственных потребителей.

Переход на биллинг и прямые платежи мы делаем частично по ряду районов Санкт-Петербурга. Но пока мы все-таки ожидаем, что новый вице-губернатор что-то скажет нам и насчет «Теплосети Санкт-Петербурга» — нужна она городу, не нужна, как город в целом видит дальнейшее развитие ситуации с качеством и надежностью теплоснабжения потребителей, с возможными субсидиями или еще чем-то.

Я еще раз говорю, мы готовы продать городу «Теплосеть Санкт-Петербурга» с рассрочкой на 20 лет. Мы готовы получать субсидии, вкладывать их в сети за счет увеличения доли города в теплосети. Мы готовы к различным вариантам. Но на сегодняшний день очевидно, что компания сама по себе убыточна, мы формально сводим там нулевой баланс для того, чтобы иметь возможность привлекать займы и т.д., но реально компания является убыточной и живет только за счет ТГК-1. Весь филиал «Невский», куда входят все ТЭЦ Санкт-Петербурга, является глубоко убыточным. То есть мы в Питере несем убытки не только от транспортной составляющей по теплу, но также от генерации электроэнергии.

Эту ситуацию нужно менять. Я считаю, что первым шагом должен быть переход на физический метод распределения расходов на топливо — то, что делает сейчас Fortum в Челябинске и Тюмени, то, что сделано давным-давно в Москве. Это будет несколько болезненно для города, но на сегодняшний день мы не видим других методов. Вы видели, что в Челябинске Fortum выиграл суд: Администрация пыталась запретить переход на физический метод разнесения затрат между электроэнергией и теплом, но Fortum первую инстанцию выиграл. Поэтому мы тоже инициировали подобные действия, связанные с переходом на физический метод, чтобы хотя бы частично скомпенсировать те убытки, которые на сегодняшний день имеем.

ВОПРОС: Константин Бобылев, газета «Глобус». На Серовской ГРЭС уже не первый год идет строительство двух установок, подрядные работы выполняла организация Е4. Там возникли определенные проблемы с этой компанией, насколько я знаю, с ней договор был расторгнут. Отсюда вопросы. Определена ли новая подрядная организация? Наказана ли была организация Е4 за срыв сроков сдачи объекта? И как все-таки вся эта ситуация повлияла на строительство, на каком этапе это строительство сейчас находится и когда будут введены в эксплуатацию объекты?

Д.В. ФЕДОРОВ: Ситуация с Е4 понятна, она была уже во всех СМИ. К нашему большому удовольствию мы там фактически ввели собственное управление. Е4 строила нам два энергоблока — в Серове и в Череповце. В Череповце мы фактически еще полтора года назад ввели собственное управление, благодаря этому блок успели пустить до тех проблем, которые сегодня свалились на Е4. По Серову, к сожалению, не успели это сделать по разным причинам. Не буду здесь обвинять менеджмент компании: я считаю менеджмент Е4 квалифицированным, грамотным, и делали они все, что могут, в той ситуации, которая складывалась. Были субъективные причины: высокий уровень долга и т.д., которые не позволили им довести этот проект до конца.

На сегодняшний день мы действительно расторгли контракт с Е4, передали реализацию проекта на Серовской ГРЭС 100-процентной дочке «Газпром энергохолдинга» «ОГК-Инвестпроект». Там опытный менеджмент, который давно занимался проектом строительства этого энергоблока, поэтому до конца 2015 года энергоблок будет введен в эксплуатацию. Есть определенные проблемы, но, я думаю, что мы их дождем. Второй энергоблок мы строить не будем в связи с изменившейся экономической ситуацией и с тем, что рынком эта мощность пока не востребована. Претензии к Е4 мы выставили в суд. Понимаем, что, помимо нас, там еще стоят в очереди банки, другие контрагенты. Пока там не введено конкурсное наблюдение, тем более конкурсное управление. Когда введут — будем стараться что-то получить.

Основную проблему для нас составляет зависший энергоблок — тот, который должен был прийти на площадку для «Серова-2». Нам его не передали — хотя должны были передать еще год назад — по причине того, что при перегрузке в порту Антверпена упал и утонул генератор мощностью 420 МВт — беда не приходит одна. Он долго пролежал на дне и, естественно, никакой эксплуатации не подлежит, поэтому нам его не доездили. С нашей точки зрения этот блок рискует уйти в конкурсную массу. Вот такая проблема. Он, правда, в залоге у нас находится, мы оплатили по нему 95% всех средств. Единственное, нас спасает то, что залог — это 70% средств на конкурсе, которые получим мы, а не другие компании, которые стоят в очереди. Но пока перспектив получить те доходы, которые мы потеряли, и компенсировать те прямые убытки, которые понесли, в случае, если Е4 будет обанкрочена, мы не видим.

ВОПРОС: Вера Волошинова, газета «Молот». У меня два вопроса. Появилась информация о переносе срока ввода в действие девятого блока Новочеркасской ГРЭС. Скажите, пожалуйста, повлияла ли на это ситуация на рынке угля в Ростовской области? И вообще, как Вы оцениваете эту ситуацию, потому что, помнится, в предыдущие годы было некоторое недопонимание угольщиков и энергетиков.

И второй вопрос. На Новочеркасской ГРЭС в конце марта текущего года состоялось заседание совета производителей электроэнергии. Оно было посвящено критериям отбора на рынке конкурентных мощностей. Вот что делать, чтобы теплоэлектростанции, работающие на угле, были поставлены в равные условия с электростанциями, которые работают на других видах топлива, в свете предложения Президента РФ о диверсификации видов топлива, которыми пользуются на электростанциях?

Д.В. ФЕДОРОВ: По Новочеркасской ГРЭС: действительно, у нас произошла сдвижка. Надеюсь, в середине следующего года мы пустим блок. Блок пилотный, угольный, сложный, с технологией циркулирующего кипящего слоя. Есть проблемы с его строительством, они не связаны с финансированием, с общеэкономическими ситуациями. Просто таких блоков в России не строилось и, к сожалению, те планы, которые были у нас с подрядчиком, по разным причинам не были выполнены.

Что касается рынка угля — там ситуация «час от часу не легче». Нас вызывали к губернатору и грозили смертной казнью за то, что мы берем не ростовский уголь, а украинский, который был дешевле на тот момент. Добились какого-то компромисса, подписали контракты — они не исполняются, зачастую, в первую очередь, со стороны угольных компаний. Изменение курса валюты — уголь поехал на экспорт. Если в прошлом году у нас угля было порядка 90% в топливном балансе, то в этом — порядка 50%. Мы перешли на газ, потому что нам не поставляют уголь. Мы вынуждены сейчас прибегать к поставкам угля-Т из других регионов для того, чтобы закрывать топливный баланс. Пока угольщики не ходят и не жалуются, что мы плохие покупатели. Хотя я уверен, что, как только ситуация развернется на мировых рынках угля плюс стабилизируется национальная валюта, опять все придут и скажут: «Парни, а не хотите у нас подороже уголь брать?».

Мы живем в той ситуации, в которой живем. Как я уже говорил, к сожалению, у всех — поставщиков оборудования для наших электростанций, угольных компаний, компаний, поставляющих нам нефтепродукты — у них price-cap (регулируемая верхняя планка роста цен) нет. Price-cap есть только у нас. Они отталкиваются от цены netback (экспортной альтернативы) и продают свою продукцию. И никто их не регулирует. И ни в суд, ни в ФАС на них не подашь, потому что они как бы действуют в рынке. У нас вроде и рынок в электроэнергетике, а вроде и price-cap. Уголь нам недопоставляется, поставляется не того качества, мы егожигаем газом. По большому счету, если говорить русским языком, нам везут то, что не берут на экспорт. Вот и все.

По тепловым станциям, работающим на угле: в последнее время мы активно этой историей занимаемся, потому что действительно есть проблемы с попаданием в конкурентный отбор мощностей угольных электростанций. Это объективные причины. Постоянные затраты на угольных станциях очевидно выше, чем на газовых. Хотя сегодня на рынке на сутки вперед угольные станции гораздо более эффективны по сравнению с газовой генерацией. Мы считаем, что проведение конкурентного отбора мощностей в том виде, в котором он существует, приведет к закрытию угольных станций в центральной части России. Учитывая, что у нас подавляющая часть электроэнергии в европейской части страны вырабатывается на газе — 85% и выше, — мне кажется, что принципиально важно сохранить угольные блоки в работе.

Кроме того, мы должны понимать, что угольные блоки — это шахтеры, возможны социальные последствия. Вывод трех-четырёх энергоблоков Новочеркасской ГРЭС из работы (что, в принципе, возможно в условиях нынешнего КОМ) приведет к тому, что мы там более чем в два раза сократим потребление угля. Что приведет к тому, что ряд угледобывающих предприятий — мы неплохо знаем ситуацию на шахтах в Ростовской области — будут закрыты. Шахтеры выйдут на улицы.

Можем взять Череповецкую ГРЭС, которая потребляет интинский уголь. Если ее вывести из эксплуатации и не дать ей некий спецтариф, как угольной генерации, или

ввести некий механизм, то у нас там будут большие проблемы, потому что Инта (Республика Коми) фактически вся живет на угле. Одним из основных потребителей этого угля являемся мы. Поэтому при принятии подобных решений нужно рассматривать весь комплекс факторов. На сегодняшний день Минэнерго прислушалось к нашим рекомендациям и запросило у нас информацию о некоем эталонном ОРЕХ (операционные расходы) для угольных станций. Мы им направили, и сейчас идет работа. Мы обсуждаем, каким образом сохранить угольные станции в центральной части России.

ВОПРОС: Людмила Ковалевская, газета «Ставропольская правда». Проект по реализации парогазовой установки на Ставропольской ГРЭС передали Серовской. А какие у нас перспективы? Эксперты говорят о 90-процентом износе оборудования.

Д.В. ФЕДОРОВ: Я бы не говорил так пессимистично насчет 90%. Ставропольская ГРЭС у нас даже не входит в список станций, на которых мы бы видели серьезные проблемы. Поэтому с точки зрения надежности работы станции там все более-менее нормально.

По поводу блока — нет, реализовывать новые инвестиционные проекты мы не собираемся. У нас избыток 20 ГВт по стране, нет загрузки мощностей. Поэтому пока перспектив строительства новых энергоблоков на Ставропольской ГРЭС нет.

ВОПРОС: Дина Хренникова, агентство Bloomberg. Денис Владимирович, у меня два вопроса. Во-первых, по поводу оборудования. Рассматриваете ли вы варианты закупки оборудования в Азии или совместного производства с азиатскими партнерами в России? Возможно, это было бы неплохим ценовым решением, как Вам кажется?

И второй вопрос — по поводу IPO. Вы в интервью сегодня сказали, что есть вариант размещения на азиатской бирже. Это уже какое-то принципиальное решение принято, и непонятен только срок? Или, возможно, азиатская биржа — это какой-то предварительный этап, и нет решения?

Д.В. ФЕДОРОВ: По IPO — да, это предварительный этап, решения нет. Раньше выездные Дни инвестора «Газпрома» проходили в Лондоне и Нью-Йорке, а в этом году ездили в Гонконг и Сингапур, где мы увидели на рабочих встречах большой интерес азиатских инвесторов к российской энергетике. Плюс мы проводим рабочие встречи здесь, к нам приезжают коллеги, в том числе из Китая, которые готовы не только поставлять все оборудование, но и участвовать своими деньгами, входить как участники в инвестиционные проекты. Поэтому мы считаем, что на сегодняшний день азиатский рынок — это такой, поверхностный анализ — может быть интереснее, чем участие в IPO где-нибудь в Лондоне. Это опять же просто как идея.

Я думаю, что в течение этого года посмотрим, как будет развиваться ситуация на финансовых рынках. В следующем начнем более предметно работать плюс пойдем уже конечные сроки ввода большей части наших проектов, посмотрим, какие решения в этом году будут по КОМ, прогнозируем, и дальше, соответственно, в следующем году, определимся с площадкой и с возможностью выхода на IPO. Опять же, решение не за «Газпром энергохолдингом», решение за «Газпромом».

По азиатскому оборудованию. Первое: десятый блок Троицкой ГРЭС — китайский блок полностью. Либо в этом году, либо в первом квартале следующего мы введем его в

эксплуатацию. Это неплохой пример того, что азиатское оборудование может спокойно использоваться. На энергоблоке ПГУ-420 на ТЭЦ-16 в Москве стоит комплектное распределительное устройство с элегазовой изоляцией китайского производства. Никаких проблем с этим оборудованием у нас сегодня не наблюдается. Ведем переговоры с азиатскими компаниями и по дожимным компрессорам, и по генерирующему оборудованию. Мы им предлагаем активнее участвовать в конкурсах на поставку оборудования. Кстати, наши партнеры из европейских компаний это увидели и сейчас пытаются не пустить азиатские компании на наш рынок за счет серьезного демпинга.

ВОПРОС: Анастасия Лырчикова, агентство Reuter. Вопрос по следам интервью, на которое Вы сегодня неоднократно ссылаетесь. Вы сказали, что сейчас, по вашим оценкам, благоприятная ситуация для скупки акций генерирующих компаний с прицелом на единую акцию. Означает ли это, что вы готовы выкупать доли крупных миноритариев в своих энергетических компаниях? В частности, начинаете ли вы переговоры с Правительством Москвы? И, в продолжение этой темы, относительно предложения Fortum конвертировать свою долю в ТГК-1 в гидроэнергетические активы ТГК-1: все-таки Вы могли бы назвать условия, на которых готовы это предложение принять? И ведете ли с ними конкретные переговоры?

Д.В. ФЕДОРОВ: По поводу текущей ситуации на фондовых рынках: да, мы считаем, что она на дне, вряд ли будет ухудшаться. И мы увидели серьезный рост акций той же ОГК-2, которые за месяц поднялись фактически с 18 копеек до 30 копеек. В принципе, это показатель того, что рынки на дне, и мы работаем над тем, чтобы покупать акции наших компаний. Что касается переговоров с Правительством Москвы и с Fortum — их комментировать не могу. Это коммерческие переговоры, и мои комментарии на этот счет могут быть неверно истолкованы как слова инсайдера.

По поводу гидроэнергетических активов еще раз хочу сказать то, что сказал в интервью. Первое — у нас нет большой заинтересованности в продаже наших гидроактивов. Второе — мы готовы выслушать предложения различных покупателей, если они будут. Третье — сделка есть только тогда, когда есть ряд условий: согласованная сторонами стоимость, проведенная юридическая оценка, согласованное соглашение акционеров. И еще целый ряд документов: решение антимонопольной службы, решение комиссии по иностранным инвестициям и т.д. Большой объем работы и материалов. На сегодняшний день ни одного этого документа нет. А по поводу того, какие переговоры с кем ведем, — мы много с кем их ведем.

А. ЛЫРЧИКОВА: Вы не комментируете переговоры с Правительством Москвы и Fortum, но переговоры с Правительством Москвы по выкупу доли «Мосэнерго» ведутся?

Д.В. ФЕДОРОВ: С момента, когда в 2010 году поменялся мэр, эти переговоры периодически происходят. Пока мы к общему знаменателю не пришли.

ВЕДУЩИЙ: Мы также получаем вопросы через интернет. Есть два вопроса у Дмитрия Булгакова из Deutsche Bank. Дивиденды в 2015 году: готов ли менеджмент или акционер платить больше 25% от чистой прибыли в виде дивидендов в генерирующих дочках? В

текущих условиях 15% ОГК-2 или 25% ТГК-1 и «Мосэнерго» кажутся незначительными. И второй вопрос: причины перевода управления «Мосэнерго» и МОЭК на ГЭХ? Уход генерального директора МОЭК и «Мосэнерго» Виталия Яковлева — не будет ли проседать управление? Чем это объясняется?

Д.В. ФЕДОРОВ: Про дивиденды 2014 года я уже сказал. По-моему, дивиденды более чем приличные. Да, действительно, по «Мосэнерго» есть некая проблема, связанная с тем, что российский стандарт бухгалтерской отчетности учитывает различные бумажные прибыли и убытки. Поэтому, действительно, акционеры «Мосэнерго» могут считать себя несколько обиженными. С этим согласен, но по ОГК-2 и по ТГК-1 не согласен. По ТГК-1 очень хорошая прибыль, по ОГК-2 очень хорошая прибыль, объем дивидендов существенно растет — 25%, по-моему, более чем приличная цифра. Что касается более высоких цифр — у нас в дивидендной политике написано до 35%, поэтому посмотрим на результаты 2015 года, и что будет на КОМ 2016 года. Дальше будем принимать решения.

Поэтому еще раз: я не считаю, что мы где-то обманываем наших акционеров и инвесторов. Мы стараемся соблюдать все те предложения и условия, которые были. По ОГК-2 мы не распределили дивиденды за счет продажи Ондской ГЭС, о чем мы говорили в свое время — так проблема только в том, что нам не удалось продать «Теплосеть Санкт-Петербурга» «благодаря» компании Fortum, которая заблокировала это решение. Мы вынуждены были направить те деньги, которые получили от продажи Ондской ГЭС, на финансирование и ремонт тепловых сетей в городе Санкт-Петербурге. Так что миноритарные акционеры могут задавать свои вопросы нашим коллегам, членам совета директоров Fortum, которые находятся в совете директоров ТГК-1, а не мне.

Еще раз подчеркиваю, если бы нам удалось в тот момент продать «Теплосеть Санкт-Петербурга», во-первых, мы избавились бы от убыточного актива с достаточно большим долгом, а во-вторых, мы бы распределили 2 млрд руб. дивидендов, которые получили от продажи Ондской ГЭС. Мы голосовали «за», наши коллеги из Fortum заблокировали это решение. Это единственное обещание, которое мы не сдержали перед акционерами. Будет ли в следующем году больше — будем смотреть по результатам 2015 года и смотреть, что у нас в планах на 2016 год.

По поводу перехода на управление «Газпром энергохолдинга»: мы давно к этому готовились, значительная часть функций уже была нам передана. Сначала были агентские договора, сейчас мы просто переходим на более четкий, понятный и прозрачный механизм управления этими активами. Мы заявляли об этом всегда. Компанию мы неплохо знаем, менеджмент «Мосэнерго» находится в том же здании, где и менеджмент «Газпром энергохолдинга», МОЭК находится в 15-минутной досягаемости. Честно говоря, не вижу никаких историй, связанных с проседаниями в управлении, это давнее решение.

По поводу ухода Виталия Георгиевича Яковлева — это было его желание, решение уйти из этого бизнеса и попробовать себя в чем-то другом. Мы Виталию Георгиевичу очень благодарны, он сделал большую работу, много структурировал, запустил процесс «бережливого производства» в «Мосэнерго», который нам позволял ежегодно экономить достаточно много средств. Поэтому никаких вопросов у нас к Виталию Георгиевичу нет, мы благодарны за ту работу, которую он осуществлял в компаниях.

ВОПРОС: Елена Восканян, газета «Энергетика и промышленность России». В последнее время очень много говорится об альтернативной котельной, но Вы не являетесь сторонником этого метода. Расскажите, пожалуйста, почему и каким образом Вы представляете механизм привлечения инвестиций в реконструкцию сетей?

Д.В. ФЕДОРОВ: Вы очень мягко сказали, что я не являюсь сторонником. Я являюсь идеологическим противником этого метода, хотя из всех генерирующих компаний мы больше всего потратили денег на оплату аналитических и консультационных услуг в связи с тем, что у нас самый большой тепловой бизнес.

Почему? Тепло — социальный продукт, у нас северная страна. В некоторых регионах отопительный сезон длится по 8–9 месяцев. Мы закончили отопсезон в конце апреля в Москве, и у нас уже в мае совещание в мэрии по подготовке к новому отопсезону. Он, в принципе, не заканчивается никогда и постоянно идет. Что предполагает под собой альткотельная — взять и отпустить тарифы на тепло. Государство не вмешивается в их регулирование, есть некий предел, который определяется некой счетной моделью, и, собственно говоря, дальше это проблема единой теплоснабжающей организации — у каких источников она будет брать тепло. В целях максимизации прибыли она должна брать у самых эффективных компаний, у которых более низкая себестоимость.

Это в теории. В теории все действительно выглядит идеально. Но ничего идеального в мире не бывает, как и идеальной или альтернативной котельной. Подсчитали стоимость котельной в Москве, условно говоря, в 3 млн руб. Пусть за любые деньги кто-нибудь в районе ТЭЦ-12 на Бережковской набережной построит котельную. Хоть кто-нибудь за любые деньги сумеет там построить котельную или нет? Это не имеет никакого применения. Если вывести семь ТЭЦ, которые не прошли КОМ в ТГК-1, нам понадобится от тысячи до двух тысяч котельных построить в Петербурге — это инфраструктура, сети и канализация, газ и т.д. Это просто невозможно, с моей точки зрения.

Даже в разных районах Москвы стоимость строительства источников тепла — альтернативных или замещающих — будет совершенно различной. Я считаю, что государство никогда в нашей стране не откажется от регулирования тарифообразования на тепло. У нас реформа электроэнергетики идет с 2002 года, сейчас 2015 год — сколько лет прошло, а государство так и не отказалось от регулирования. По некоторым нашим расчетам до 60% продаваемой электроэнергии регулируется государством. Кроме того, у нас куча price-sar и т.п., которые так или иначе влияют на ценообразование отсечений, на ценообразование на электроэнергию. Я, как гражданин, смотрю свою платежку, там примерно 90% суммы — это тепло. И мы в этой ситуации, что, предлагаем взять и отказаться от регулирования этих 90%? Не откажется никогда государство! Идеологически неправильно.

С моей точки зрения, нужно решать три ключевых вопроса. Первый — есть регионы с низкой базой, они в основном на Урале и в Сибири. Там объективно низкая база, и мерить ростом в процентах (индекс потребительских цен плюс 2%) — это неправильно, нужно мерить в абсолютных цифрах. Да, где-то может быть рост в 30%, в 40%, но это нужно соотносить на цифры, а не на проценты. Нужно подтянуть базу, потому что с каждым годом разрыв — рост на 10% в одном субъекте Федерации и на 10% в другом — только увеличивает разницу между этими субъектами. Эту проблему нужно

решать. Таких субъектов не так много. Я не понимаю, в чем сложность доложить руководству страны о наличии подобных проблем. Не нужно решать это так: сейчас вы закроете глаза, мы сейчас тут что-то сделаем, и все будет у нас хорошо, и будет у нас счастье! Счастья у нас не будет.

Первое — нужно за 2-3 года поднять базу в тех регионах, где она очень низкая. Второе — нужно решать проблему с долгами, какой бы социальной страной мы ни были. Она уже стоит очень остро — это касается розничных рынков электроэнергии и задолженностей за газ, и сейчас это становится большой проблемой по теплу. И третье — надо нормализовывать ситуацию с текущими платежами и убрать перекрестное субсидирование между электроэнергией и теплом. Это болезненно, неприятно, но, опять же, нужно решать эти задачи шаг за шагом. Не нужно говорить: «Государство, мы тебе нарисовали некую альткотельную. Закрой глаза, через два года проснешься — а у тебя тут счастье».

Что касается привлечения инвестиций — я при текущем механизме ценообразования вообще не вижу никаких перспектив их привлечения в этот сектор, тем более частных, когда региональная энергетическая комиссия может взять и «вырезать» ту экономию, которую ты сделал, переложив теплотрассу, закрыв неэффективную котельную. Тебе через год говорят: «Окей, дружище, ты тут продавал с этой котельной по 1800 руб./Гкал, а у тебя на ТЭЦ себестоимость 900. Что это ты тут опять по 1800 продаешь? Давай-ка мы тебе 900 руб. «вырежем» или 800, вот тебе 100 рублей и будь счастлив, что мы тебе их оставили». Вот эта история не работает, и никто не будет вкладываться и рисковать до тех пор, пока не будет неких правил игры.

Правила игры я вижу в некой долгосрочной модели — ее можно нарисовать, можно привязать к формуле цены и т.д. Мы пошли в тему альткотельной — я считаю, просто потеряли два года, кучу интеллектуальных, материальных, психологических ресурсов, перессорились все друг с другом. Мне кажется, что нужно отруливать в другую сторону.

ВОПРОС: Илья Щербаков, интернет-сайт b2bmap.ru. Скажите, пожалуйста, насколько сильно в процентном или в денежном отношении будет скорректирована инвестпрограмма в электроэнергетике или была скорректирована уже по отношению к тому, что было запланировано до кризиса? Какие объекты, может быть, самые крупные, которые получают инвестиции в плане ремонта, модернизации и строительства? И еще такой вопрос: почему программы на текущий год нет в открытом доступе? Почему проблема ее достать?

Д.В. ФЕДОРОВ: Инвестпрограммы есть на сайтах компаний. С точки зрения потенциально возможных изменений, мы оцениваем их коррекцию из-за валютной разницы где-то до 10% от суммарного объема инвестиций.

По проектно-изыскательским работам (ПИР): из крупных проектов у нас на сегодняшний день только проект по замене турбин Т-250. Мы запустили первый пилотный проект в «Мосэнерго». Идет проектирование, потом будет поставка турбины. Говорить о дальнейшей реализации этого проекта — двадцать две станции в Москве и Питере нуждаются в замене этих турбин — нам сейчас проблематично в связи с тем, что мы не понимаем, каким образом будет формироваться КОМ на следующий год,

сохранится ли *grise-sar* в Москве или нет. И, соответственно, каким образом будет работать новая модернизированная турбина. Поэтому до 2017 года единственный серьезный проект без ДПМ, который мы осуществляем в плане ПИР — большой, серьезный — это замена на ТЭЦ-22 в Москве турбины Т-250.

ВОПРОС: Марина Клайн, газета «Челябинский рабочий». Денис Владимирович, насколько достоверна информация о том, что сегодня Троицкая ГРЭС отказывается отапливать Троицк в 2015 году?

Д.В. ФЕДОРОВ: Мы не отказываемся отапливать город Троицк. Ситуация примерно следующая. Станция, от которой отапливается город Троицк, физически и морально устарела. Конечно же, мы хотим вывести ее из эксплуатации. Там три маленькие турбины, мы подали заявку в муниципалитет о выводе их из эксплуатации. За три года должны быть осуществлены замещающие мероприятия, а эти три года мы должны получать какие-то деньги. Заявку подали, ведем активную работу с потенциальными инвесторами, которые могли бы построить котельную для отопления части города Троицка, возможно, и поселка Энергетиков. Но пока это показывает значительный рост тарифов на тепло, учитывая, что это будет не угольная котельная, а газовая, учитывая, что это будет некомбинированная выработка и т.д. Это одна из тех проблем, которую мы озвучиваем в Минэнерго, когда нам говорят: «Давайте откажемся от вынужденных генераторов, давайте реализуем замещающие мероприятия». Реализовать их можно, вопрос в том, что потребителю одномоментно может прилететь плюс 50–60%, что, в общем, недопустимо в текущих реалиях. Поэтому проект движется очень сложно и тяжело.

То, что мы направили в Администрацию заявку, о том, что мы будем выводить эту очередь на станции — это правда, но мы не отказываемся отапливать. В 2015 году мы также будем отапливать потребителей города Троицка.

С точки зрения надежности: вы знаете прекрасно, что у нас были проблемы в 2013 году из-за поставки некачественного угля. Мы их решили и прошли: не допустили нарушения энергоснабжения, теплоснабжения потребителей. Все-таки считаем, что для надежности нужно построить газовую котельную, найти инвестора и реализовать этот проект.

ВОПРОС: Матвей Тайц, «Газпромбанк». У меня вопрос тоже по инвестиционной программе. Он состоит из двух частей. Первая: включен ли в эти 450–470 млрд руб. второй блок на Серовской станции? И если можно, по оставшемуся объему финансирования, по источникам можете рассказать?

Д.В. ФЕДОРОВ: Второй блок входит. Он профинансирован был лишь частично с точки зрения проектирования. Плюс мы строили инфраструктуру под два энергоблока, но она как бы легла на стоимость первого блока. Кроме того, сюда входит силовой остров, энергоблок для которого завис у Е4. Плюс был ряд работ по обустройству площадки, которые мы начинали разворачивать для строительства второго блока опережающими темпами — вбили сваи, разрыли котлован. Сейчас обратно все это засыпаем — это относительно небольшие затраты, поэтому они будут скорректированы вниз.

М. ТАЙЦ: То есть в ориентировочном увеличении до 450–470 млрд руб. уже никакие дополнительные расходы на этот блок уже не учитываются?

Д.В. ФЕДОРОВ: Здесь мы уже учли, в том числе с Серовым...

М. ТАЙЦ: Полное окончание?

Д.В. ФЕДОРОВ: Да.

М. ТАЙЦ: А по источникам финансирования оставшейся части?

Д.В. ФЕДОРОВ: За счет собственных, заемных ресурсов. Никаких IPO мы делать не собираемся.

ВОПРОС: Галина Полянская, газета «Панорама». Денис Владимирович, недавно Президент РФ Владимир Путин одобрил внесение поправок в законопроект о территориях опережающего развития, и теперь города – закрытые административные территориальные образования могут претендовать на такое звание. Вот в одном из них — Зеленогорске — находится Красноярская ГРЭС-2, это предприятие с хорошо развитой инфраструктурой и с резервом по электроэнергии и пару. Сегодня в городе ведется полномасштабная работа по привлечению крупных инвесторов. Может ли ОГК-2 принять участие в этой работе?

Д.В. ФЕДОРОВ: Смотря, в каком виде.

ВОПРОС: Ольга Квашина, Красноярская ГРЭС-2. Имеется в виду следующее: вот Вы говорили — автоматика своя, теплоизоляция. Может быть, один филиал сделаем в Зеленогорске? У нас транспортная развязка, нет очереди в детские сады, прекрасный городок. Надо как-то нам помочь загрузить мощности станции.

Д.В. ФЕДОРОВ: Давайте подумаем, у нас сейчас несколько проектов по импортозамещению, которые мы рассматриваем. Почему нет? Мы подумаем.

ВОПРОС: Александр Серебрянников, интернет-сайт blogger51.com. В минувшем году благодаря Мурманскому филиалу, благодаря пресс-службе, я в частном порядке поехал по гидроэлектростанциям, разговаривал с энергетиками, сотрудниками. И надо сказать, довольно интересные результаты получились. Выявились три проблемы.

Первая — это уровень зарплат.

Вторая проблема — это отсутствие инфраструктуры в небольших городах, таких как Туманный, например. Невозможно ребенка отправить в школу после 9 класса, и сейчас количество этих классов сокращается.

И третья проблема. Цитирую буквально, один из сотрудников сказал: «Надо мной пять начальников, вот такая инструкция и 30 секунд на принятие решения». Исходя из услышанного, я пришел к выводу, что люди, которые работают в небольших городках, например, поселок Туманный или Териберка, стремятся уехать из этих поселков и переходят в какие-то другие компании. В Кольскую ГМК (дочернее предприятие ОАО

ГМК «Норильский Никель»), например, или в «Росатом». Скажите, пожалуйста, есть ли сегодня какая-либо стратегия удержания этих работников на своих местах. Потому что лет через пять эта проблема встанет очень остро.

Д.В. ФЕДОРОВ: Про «Росатом» я сегодня и так много в интервью сказал, поэтому комментировать не буду.

По поводу уровня зарплат и возможного перехода наших сотрудников в другие компании. Когда мы под гнетом обстоятельств продавали Ондскую ГЭС, у нас было огромное, гигантское количество писем и в Администрацию Президента РФ, и в адрес руководства «Газпрома», и в адрес Правительства РФ о том, что «оставьте нас в «Газпроме», мы не хотим ни в «Базовый элемент», ни в «Русал», ни куда-то еще». Как только возникли растиражированные безосновательные истории о том, что завтра мы что-то продадим финнам — вы бы видели тот вал документов, который приходит в Минэнерго, в Администрацию Президента. Никто не хочет никуда уходить, все хотят работать в «Газпроме».

Понятно, мы не можем соревноваться с «Росатомом» по зарплатам, просто потому, что их операционные затраты закрыты, их никто знает, их никто не анализирует. У них нет эталонных CAPEX, OPEX. Условно говоря, безопасность — всю информацию закрыли, где-то доказали, а рынок этого не знает. Собственно говоря, они живут вроде и в рынке, а вроде и нет. Поэтому мы не можем с ними конкурировать, так же как зачастую мы не можем конкурировать с сетевыми компаниями, у которых это просто учитывается в тарифе. Просто банально берется и учитывается. На 15% — раз, и подняли зарплату. Но мы живем в рынке и конкурируем на рынке. Кроме того, знайте, что гидроэлектростанции не прошли КОМ уже второй год подряд, и мы из-за этого несем убытки.

Мне кажется, что у нас социальная защищенность сотрудников достаточно неплохая. К нам идут молодые люди на работу. Мы внимательно относимся к тому, чтобы у нас, в том числе и на среднем уровне, на уровне замов главных инженеров была молодежь в возрасте 40 лет, которая бы уже подпирала более возрастных главных инженеров и директоров станций, чтобы у них была нормальная конкуренция. Мы за этим следим, этим внимательно занимается наша кадровая служба. Я не могу сказать, что проблема надуманная: все хотят жить немножко лучше, чем живут они сейчас. Понятно, что мы не можем предложить тот уровень социальных выплат, который есть в «Газпроме». Просто объективно не можем. Но, тем не менее, я считаю, что у нас один из самых конкурентоспособных социальных пакетов среди всех генерирующих компаний. Это первое.

Второе. Инфраструктура, школы, детские садики — это задача муниципалитетов и государства, к ним нужно приходиться и спрашивать. Если б нужно было бы где-то сделать ремонт, еще чем-то помочь, мы бы, наверное, подключились к решению подобных задач. Но речь точно не о строительстве школ, создании и содержании классов, частных школ. Это не наш бизнес.

Что касается тезиса «надо мной пять начальников»: насколько я понимаю, у нас все нормативы, которым подчиняются сотрудники станции низшего и среднего звена, существуют еще с советских времен, никаких серьезных изменений мы не вносили. Как была номенклатура нормативов и правил, выполняемых сотрудником при принятии решений, такой она и осталась. Никаких суперновых изменений мы не вносили. Не скажу,

что проблема надуманна, она всегда есть. Конечно, когда мы приезжаем на станцию, нам об этом не говорят. Но когда я приезжаю на станцию, я всегда схожу, пообедаю в столовой, не предупреждая руководство, осмотрю бытовые помещения, душевые. Меня, например, поражали в свое время душевые на Троицкой ГРЭС. Я приехал туда, когда мы только купили эту станцию. В душевую там без страха не просто зайти нельзя — я таких душевых никогда прежде не видел. Это угольная станция: когда по ней пройдешься, ты выходишь — независимо от того, сколько одежды ты надел — весь просто черный. Поэтому бытовым вопросам мы стараемся уделять достаточно большое внимание.

Каких-то серьезных существенных нареканий я не слышал. Тем более что у нас всегда есть некая горячая почта, на которую сотрудники могут анонимно присылать свои жалобы. И мы к этим жалобам прислушиваемся. Я не буду говорить, кто и как именно, но ряд директоров станций у нас пострадал.

ВОПРОС: Алексей Кириченко, интернет-портал live-energo.ru. Денис Владимирович, вопрос по поводу завершения программы ДПМ ТГК-1. Компания ввела порядка 2 ГВт мощности, что в нынешний момент обернулось избытком мощности как в Петербурге, так и в Ленобласти. Плюс на это накладывается падение спроса на электроэнергию, которое обострилось в этих регионах с 2013–2014 годов. Соответственно, сколько в эти объекты было вложено в денежном эквиваленте, и как решать проблему избытка? Объекты ДПМ окупятся, но что будет с другими объектами ТГК-1, которые могут попасть в статус вынужденной генерации? Соответственно, это нанесет потребителям еще больший убыток.

Д.В. ФЕДОРОВ: Я еще раз повторю то, что я не так давно говорил на правительственной комиссии по вопросам развития электроэнергетики. Если взять расчеты и посчитать один блок ВВЭР-1200, который строит атомная генерация, — по деньгам в год обходится столько же, сколько содержание 20 ГВт старых мощностей. Мы ради одного блока ВВЭР-1200 должны вывести 20 ГВт? Кто возьмет на себя ответственность за вывод 20 ГВт? Вспомните постсоветские времена, когда была низкая база экономического развития. Потом, когда Россия начала сильно развиваться, мы приводили цифры — за год приросли чуть ли не на 20 ГВт. И ни у кого не возникло вопросов: откуда и почему взялась эта мощность? А потому что она была и существовала. Тогда было проще ее содержать, потому что была одна компания — РАО «ЕЭС России», большой холдинг, который мог перераспределять ресурсы. Сейчас такой проблемы нет.

Опять же, мы говорим «избыток, избыток». А 20 ГВт — это самая дешевая эффективная генерация, которая на сегодняшний день есть в системе. Она амортизирована, продается по 100 тыс. руб. за мегаватт. Зачем ее закрывать? Давайте ее в каком-то виде законсервируем. А что будет завтра, если у нас произойдет взрывной рост экономики? Мы что, затормозим и четыре года опять будем строить новые блоки, а потребитель будет покупать не по 100 тыс. руб., а по 500 тыс. руб. с каждого энергоблока?

В энергетике нельзя мыслить одним годом, нужно мыслить на 5–10 лет вперед. Есть мощность — значит есть. Знаете, когда приходишь в институт на энергетический факультет, первое занятие введения в специальность начинается с того, что тебе объясняют, что электроэнергия — это особый продукт, который невозможно накапливать и хранить в промышленных масштабах. Электроэнергия или есть, или ее нет.

Соответственно, лучше, если она будет, чем не будет. Все говорят — плохо, а я считаю, хорошо, что у нас есть этот избыток мощности, который может поддержать в любой момент экономический рост, который, я уверен, будет в нашей стране. Вот и все.

Надо придумать механизм, каким образом поддерживать эту мощность. Смотрите, Европа вся поддерживает. Почему Европа не выводит газовую генерацию? У нее коэффициент использования установленной мощности 10–15%. По некоторым блокам я видел до 5% КИУМ. Их поднимают там вообще несколько раз в год. Почему Европа просто не возьмет и не скажет: «А давайте сломаем?» Почему сейчас в Германии вводится механизм платы за мощность? Для того, чтобы эти блоки были. Пускай они будут. Плохенький, но свой.

А. КИРИЧЕНКО: Можно тогда маленькое дополнение? Раньше правительство Санкт-Петербурга предлагало вам приобрести Юго-Западную ТЭЦ.

Д.В. ФЕДОРОВ: Юго-Западную ТЭЦ надо закрыть. Вот честно говорю: закрыть и забыть вообще о ней. В четырех километрах от нее находится Первомайская ТЭЦ, на которой построен энергоблок, который попал в рамки ДМП. Юго-Западную ТЭЦ строили в расчете на то, что будут перспективные нагрузки. Они не появились. Сегодня эта станция — один из примеров тех вынужденных, которые, наверное, можно закрыть. Нужно придумать как. Понятно, что были инвесторы, которые вложили деньги, наверное, нужно придумать механизм какой-то частичной компенсации затрат. Но тащить на себе эту станцию, которая просто объективно не нужна ни по теплу, ни по электричеству, мне кажется не очень правильным. Мы не собираемся покупать эту станцию.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо большое, пресс-конференция закончена.